Карл-Густав ЮНГ

ФУНКЦИЯ И АНАЛИЗ СНОВ

Обсуждение некоторых подробностей происхождения наших снов диктовалось тем, что эта почва, из которой произрастает большинство символов. К сожалению, они трудны для понимания. Как я уже указывал, сон совершенно не похож на историю из жизни сознательного разума. В обыденной ситуации мы думаем над тем, что хотим сказать, выбираем наиболее выразительный способ передачи мысли и пытаемся сделать наш рассказ логически связанным. Например, грамотный человек будет избегать слишком сложных метафор, дабы не создавать путаницы в понимании. Но сны имеют иное строение. Образы, кажущиеся противоречивыми, смешно толпящимися в спящем мозгу, утраченное чувство нормального времени, даже самые обычные вещи во сне могут принять загадочный и угрожающий вид.

Может показаться странным, что бессознательное располагает свой материал столь отлично от принятых норм, которые мы, бодрствуя, накладываем на наши мысли. Каждый, кто помедлит минутку, чтобы вспомнить сон, признает эту разницу главной причиной, по которой сны считаются такими трудными для понимания. Они не имеют смысла в терминах состояния бодрствования, и потому мы склонны или не принимать их во внимание, или считать "баламутящими воду".

Возможно, в этом будет легче разобраться, если вначале мы осознаем, что идеи, с которыми мы имеем дело в нашей, по всей видимости, дисциплинированной жизни, совсем не так ясны, как нам хотелось бы верить. Напротив, их смысл (и эмоциональное значение для нас) становится тем менее точным, чем ближе мы их рассматриваем. Причина же кроется в том, что все, что мы слышали или пережили, может становиться подпороговым, то есть может погружаться в бессознательное. И даже то, что мы удерживаем в сознании и можем воспроизвести их по собственному желанию, приобретает бессознательные оттенки, окрашивающие ту или иную мысль всякий раз, как мы ее воспроизводим. Наше сознательное впечатление быстро усваивает элемент бессознательного смысла, который фактически значим для нас, хотя сознательно мы не признаем существование этого подпорогового смысла или того, что сознательное и бессознательное смешиваются и результируют являющийся нам смысл.

Конечно, такие психические оттенки различны у разных людей. Каждый из нас воспринимает абстрактные и общие положения индивидуально, в контексте собственного разума. Когда в разговоре я использую такие понятия как "государство", "деньги", "здоровье" или "общество", я допускаю, что мои слушатели понимают под ними примерно то же, что и я. Но слово "примерно" здесь важно. Ведь любое слово для одного человека слегка отлично по смыслу, чем для другого, даже среди людей одинаковой культуры. Причиной такого колебания (непостоянства смысла) является то, что общее понятие воспринимается в индивидуальном контексте и поэтому понимается и используется индивидуально. И разница в смыслах, естественно, оказывается наиболее значительна для людей с разным социальным, политическим, религиозным или психологическим опытом.

Пока понятие формулируется только словами, вариации почти незаметны и не играют практической роли. Но когда требуется точное определение или подробное объяснение, можно внезапно обнаружить поразительную разницу не только в чисто интеллектуальном понимании термина, но особенно в его эмоциональном тоне и приложении. Как правило, эти различия подпороговы и потому никогда не осознаются.

Обычно этими различиями пренебрегают, считая их избыточными нюансами смысла, имеющими мало отношения к практическим повседневным нуждам. Но тот факт, что они существуют, показывает, что даже самое практическое содержание сознания содержит вокруг себя полумглу неопределенности. Даже наиболее тщательно сформулированные философские или математические понятия-определения, которые, как мы полагаем, не содержат в себе ничего кроме того, что мы в них вложили, тем не менее представляют большее, чем мы полагаем. Они оказываются порождениями психики и как таковое частично непознаваемы. Простые числа, которыми мы пользуемся при счете, значат больше, чем мы думаем. Одновременно они являют собой мифологический элемент (для пифагорейцев числа

представлялись священными), но, разумеется, мы этого не учитываем, когда пользуемся ими в бытовых целях.
Каждое понятие в нашем сознающем разуме имеет свои психические связи, ассоциации. Так как такие связи могут различаться по интенсивности (в соответствии с важностью того или иного понятия для нашей целостной личности или в отношении к другим понятиям, идеям и даже комплексам, с которыми оно ассоциируется в нашем бессознательном), то они способны менять "нормальный" характер понятия. Последнее может приобрести совершенно отличный смысл, если сместится ниже уровня сознания.
Эти подпороговые составляющие всего с нами происходящего могут играть незначительную роль в нашей повседневной жизни. Но при анализе снов, когда психолог имеет дело с проявлениями бессознательного, они очень существенны, так как являются корнями, хотя и почти незаметными, наших сознательных мыслей. Поэтому обычно и предметы, и идеи во сне могут приобретать столь мощное психическое воздействие, что мы можем проснуться в страшной тревоге, хотя, казалось бы, во сне мы не увидели ничего дурного - лишь запертую комнату или пропущенный поезд.
Образы, являющиеся в снах, намного более жизненны и живописны, чем соответствующие им понятия и переживания в яви. Одна из причин этого заключается в том, что во сне понятия могут выражать свое бессознательное значение. В своих результатах сознательных мыслей мы ограничиваем себя пределами рациональных утверждений - утверждений, которые значительно бледнее, так как мы снимаем с них большую часть психических связей.
Я вспоминаю свой собственный сон, который мне трудно было осмыслить. В этом сне некий человек пытался подойти ко мне сзади и запрыгнуть мне на спину. Я ничего о нем не знал кроме того, что однажды он подхватил мою реплику и лихо спародировал ее. Я никак не мог увидеть связи между этим фактом и его попыткой во сне прыгнуть на меня. В моей профессиональной жизни часто случалось так, что кто-нибудь искажал мысль, которую я высказывал, но едва ли мне пришло бы в голову рассердиться по этому поводу. Есть известная ценность в сохранении сознательного контроля над эмоциональными реакциями, и вскорости я добрался до сути этого сна. В нем использовалось австрийское ходячее выражение, переведенное в зрительный образ. Эта фраза, довольно распространенная в быту, - "ты можешь залезть мне на спину", означает следующее: "Мне все равно, что ты говоришь обо мне". Американским эквивалентом подобного сна было бы: "Иди, прыгни в озеро".
Можно было бы сказать, что сон представлялся символическим, поскольку он не выражал ситуацию непосредственно, но косвенно, с помощью метафоры, которую я сначала не мог понять. Когда подобное случается (а такое бывает часто), то это не преднамеренный "обман" сна, но всего лишь отражение недостатка в нашем понимании эмоционально нагруженного образного языка. В своем каждодневном опыте нам необходимо определять вещи как можно точнее, и поэтому мы научились отвергать издержки декоративной фантазии языка и мыслей, теряя таким образом качества, столь характерные для первобытного сознания. Большинство из нас склонно приписывать бессознательному те нереальные психические ассоциации, которые вызывает тот или иной объект или идея. Первобытные же представители, со своей стороны, по-прежнему признают существование психических качеств за предметами внешнего мира; они наделяют животных, растения или камни силами, которые мы считаем неестественными и неприемлемыми.
Обитатель африканских джунглей воспринимает ночное видение в лице знахаря, который временно принял его очертания. Или он принимает его за лесную душу, или духа предка своего племени. Дерево может играть жизненно важную роль в судьбе дикаря, очевидно, передавая ему свою собственную душу и голос, и со своей стороны сам человек сопряжен с чувством, что он разделяет его судьбу, судьбу дерева. В Южной Америке есть индейцы, убежденные, что они попугаи красный ара, хотя и знают, что у них нет перьев, крыльев и клюва. Для дикаря предметы не имеют столь отчетливых границ, какие они приобретают в наших "рациональных обществах".
То, что психологи называют психической идентичностью или "мистическим участием", устранено из нашего предметного мира. А это как раз и есть тот нимб, тот ореол бессознательных ассоциаций, который придает такой красочный и фантастический смысл первобытному миру. Мы утратили его до такой степени, что при встрече совершенно не

узнаем. В нас самих подобные вещи умещаются ниже порога восприятия; когда же они случайно выходят на поверхность сознания, мы считаем, что здесь уже не все в порядке. Неоднократно мне приходилось консультировать высокообразованных и интеллигентных людей, которые видели глубоко потрясшие их сны, сталкивались с фантазиями или видениями. Они считали, что никто в здравом уме и трезвой памяти ничего подобного испытывать не может, а тот, кто все же сталкивается с подобным, явно не в своем уме. Один богослов однажды сказал мне, что видения Иезекииля не что иное как болезненные симптомы, и что когда Моисей и другие пророки слышали "голоса", обращенные к ним, они страдали от галлюцинаций. Можете представить весь его ужас, когда нечто подобное "неожиданно" произошло с ним. Мы настолько привыкли к "очевидно" рациональной природе нашего мира, что уже не можем представить себе ничего выходящего за рамки здравого смысла. Дикарь, сталкиваясь с шокирующими явлениями, не сомневается в собственной психической полноценности; он размышляет о фетишах, духах или богах.

Однако наши эмоции, в сущности, те же. Ужасы, порождаемые нашей рафинированной цивилизацией, могут оказаться не более угрожающими, чем те, которые дикари приписывают демонам. Порой положение современного цивилизованного человека напоминает мне одного психического больного из моей клиники, который сам некогда был врачом. Однажды утром я спросил его, как дела. Он ответил, что провел изумительную ночь, дезинфицируя небо сулемой, но в ходе такой санитарной обработки Бога ему обнаружить не удалось.

Здесь мы имеем налицо невроз или нечто похуже. Вместо Бога или "страха Бога" оказывается невроз беспокойства или фобия. Эмоция осталась по сути той же, но ее объект переменил к худшему и название, и смысл.

Вспоминается профессор философии, который однажды консультировался у меня по поводу раковой фобии. Он был убежден, что у него злокачественная опухоль, хотя десятки рентгеновских снимков ничего подобного не подтверждали. "Я знаю, что ничего нет, - сказал он, - но ведь могло бы быть". Откуда могла возникнуть подобная мысль? Очевидно, она появилась вследствие страха, внушенного явно неосознанным размышлением. Болезненная мысль овладела им и держала под своим собственным контролем.

Образованный человек, допустить подобное ему было труднее, чем дикарю пожаловаться, что досаждают духи. Злобное влияние злых духов - в первобытной культуре по крайней мере допустимое предположение, но цивилизованному человеку нужно весьма глубоко переживать, чтобы согласиться, что его неприятности - всего лишь дурацкая игра воображения.

Первобытное явление "наваждения" не растворилось в цивилизации, оно осталось таким же. Лишь толкуется иным, менее привлекательным способом (образом).

Я произвел несколько сравнений между современным человеком и дикарем.

Подобные сравнения, как я покажу ниже, существенны для понимания символических склонностей человека и той роли, которую играют сны, выражающие их. Обнаружилось, что многие сны представляют образы и ассоциации, аналогичные первобытным идеям, мифам и ритуалам. Эти сновидческие образы были названы Фрейдом "архаическими пережитками", само выражение предполагает, что они являются психическими элементами, "выжившими" в человеческом мозгу в течение многих веков. Эта точка зрения характерна для тех, кто рассматривает бессознательное лишь как придаток к сознанию (или, более образно, как свалку, куда сбрасывается все, от чего отказалось сознание).

Дальнейшее исследование показало, что такое отношение несостоятельно и должно быть отвергнуто. Я обнаружил, что ассоциации и образы подобного рода являются интегральной частью бессознательного и могут возникать везде - вне зависимости от образованности и степени ума человека. И эти ассоциации и образы ни в коей мере не безжизненные или бессмысленные "пережитки". Они до сих пор живут и действуют, оказываясь особенно ценными в силу своей "исторической" природы. Они образуют мост между теми способами, которыми мы сознательно выражаем свои мысли, и более примитивной, красочной и живописной формой выражения. Но эта форма обращена непосредственно к чувству и эмоциям. Эти "исторические" ассоциации и есть звено, связующее рациональное сознание с миром инстинкта.

Я уже обсуждал любопытный контраст между "контролируемыми" мыслями в состоянии бодрствования и богатством воображения в снах. Здесь можно увидеть еще одну причину

подобной разницы. Поскольку в своей цивилизованной жизни мы лишили множество идей эмоциональной энергии, то больше на них не реагируем. Мы пользуемся ими в речи и в общем-то реагируем, когда их используют другие люди, но они не производят на нас значимого впечатления. Требуется нечто большее, чтобы воздействовать на нас более эффективно с целью заставить нас изменить свои установки и свое поведение. Но это как раз то, что и делает "язык снов", он несет столько психической энергии, что вынуждает нас обращать на него свое внимание.

Была у меня, например, дама, известная своими глупыми предрассудками и упорным сопротивлением каким-либо разумным доводам. С ней можно было спорить хоть весь вечер безо всякого результата, - она ничего не принимала во внимание. Однако ее сны приняли совсем другое направление. Однажды ей приснился сон, в котором она была приглашена в гости по очень важному общественному поводу. Ее приветствовала хозяйка со словами: "Как мило, что вы пришли. Все ваши друзья здесь и ждут вас". Хозяйка подвела ее к двери и открыла ее, сновидица шагнула вперед и попала - в коровник!

Язык сна был в данном случае достаточно прост и понятен даже самому несведущему. Женщина поначалу не хотела принять во внимание содержание своего сна, который попросту поразил ее самомнение и в конце концов достиг своей цели. Спустя некоторое время она все же признала его смысл, но так и не смогла понять причину собственной самоиздевки.

Такие послания из бессознательного имеют большее значение, чем это осознает большинство людей. В своей сознательной жизни мы подвержены самым различным видам воздействий. Окружающие нас люди стимулируют или подавляют нас, события на службе или в общественной жизни отвлекают нас от собственной жизни. Вместе и порознь они сбивают нас с пути, свойственного нашей индивидуальности. В любом случае, признаем ли мы или нет то или иное действие, которое они оказывают на наше сознание, оно уже растревожено и в известной степени подчинено этим событиям. Особенно сильно это проявляется у лиц с ярко выраженной экстравертивной установкой или у тех, кто вынашивает чувство неполноценности и сомнения в своей личной значимости.

Чем дольше сознание пребывает под влиянием предрассудков, ошибок, фантазий и инфантильных желаний, тем больше будет возрастать уже существующая роль невротической диссоциации и вести в итоге к более или менее неестественной жизни, далекой от здоровых инстинктов, природного естества и простоты.

Общая функция снов заключается в попытке восстановить наш психический баланс посредством производства сновидческого материала, который восстанавливает - весьма деликатным образом - целостное психическое равновесие. Я назвал бы это дополнительной (или компенсаторной) ролью снов в нашей психической жизни. Этим объясняется, почему люди с нереальными целями, или слишком высоким мнением о себе, или строящие грандиозные планы, не соответствующие их реальным возможностям, видят во сне полеты и падения. Сон компенсирует личностные недостатки и в то же время предупреждает об опасности неадекватного пути. Если же предупредительные знаки сновидения игнорируются, то может произойти реальный несчастный случай. Жертва может упасть с лестницы или попасть в автомобильную катастрофу.

Вспоминается случай с человеком, запутавшимся в большом количестве сомнительных афер. У него развилась почти болезненная страсть к альпинизму, в виде компенсации. Он все время искал, куда бы "забраться повыше себя". Однажды ночью во сне он увидел себя шагающим с вершины высокой горы в пустоту. Когда он рассказал свой сон, я сразу же увидел опасность и попытался предупредить ее, убеждая его ограничить свои восхождения. Но все было напрасно. Через шесть месяцев он таки шагнул в "пустоту". Горный проводник наблюдал за тем, как он и его друг спускались по веревке в одном трудном месте. Друг обнаружил временную опору для ноги на карнизе, и сновидец последовал за ним вниз. Вдруг он ослабил веревку и, по словам гида, "словно прыгнул в воздух". Он упал на своего друга, оба полетели вниз и разбились.

Другой типичный случай произошел с одной дамой, чрезмерно высоконравственной. Днем она пребывала в надменности и высокомерии, зато по ночам ей виделись сны, наполненные самыми разнообразными непристойностями. Когда я заподозрил их наличие, дама с возмущением отказалась это признать. Но сны меж тем продолжались, и их содержание стало более угрожающим и отсылающим к прогулкам, которые эта женщина привыкла совершать по

лесу и во время которых она предавалась своим фантазиям. Я усмотрел в этом опасность, но она не прислушалась к моим предостережениям. Вскорости в лесу на нее напал сексуальный маньяк, и только вмешательство людей, услышавших крики о помощи, спасло ее от неминуемого убийства.
Никакой магии в этом нет. Сами сны указывали на то, что эта женщина испытывала тайную страсть к такого рода приключениям, - точно так же, как и альпинист искал выхода из своих трудностей. Разумеется, никто из них не рассчитывал заплатить столь высокую цену: у нее оказались сломанными несколько костей, а он и вовсе расстался с жизнью.
Таким образом, сны могут иногда оповещать о некоторых ситуациях задолго до того, как те произойдут в действительности. И это вовсе не чудо или мистическое предсказание. Многие кризисы в нашей жизни имеют долгую бессознательную историю.
Мы проходим ее шаг за шагом, не сознавая опасности, которая накапливается. Но то, что мы сознательно стараемся не замечать, часто улавливается нашим бессознательным, которое передает информацию в виде снов.
Сны часто предупреждают нас подобным образом, хотя далеко не всегда.
Наивным было бы поэтому считать, что существует благодетельная "рука", которая нас всегда и все время останавливает. Выражаясь определеннее, служба добродетели иногда работает, а иногда и нет. Таинственная рука может даже указать дорогу к гибели, иногда сны кажутся ловушками, каковыми и оказываются на самом деле. Порой они ведут себя как дельфийский оракул, который предвещал царю то, что, перейдя реку Халис, он разрушит огромное царство. Только после того, как он был полностью побежден в битве, выяснилось, что это царство было его собственное.
Имея дело со снами, не следует становиться наивным. Они зарождаются в духе, который носит не вполне человеческий характер, а является скорее дыханием природы - дух прекрасного и благородного, равно как и жестокого божества. Чтобы охарактеризовать этот дух, следует, скорее, приблизиться к миру древних мифологий или к сказкам первобытного леса, чем к сознанию современного человека. Я вполне не отрицаю великих достижений, происшедших в результате эволюции общества. Но эти достижения были достигнуты ценой больших потерь, степень которых мы только сейчас начинаем осознавать и оценивать. Отчасти целью моих сравнений между первобытным и цивилизованным состоянием человека является показ баланса этих потерь и приобретений.
Первобытный человек управлялся главным образом своими инстинктами, в отличие от его "рационализированных" современных потомков, научившихся себя "контролировать". В процессе цивилизации мы все более отделяли наше сознание от глубинных инстинктивных слоев психического и в конечном счете от соматической основы психических явлений. К счастью, мы не утратили эти основные инстинктивные слои; они остались лишь в форме образов сна. Эти инстинктивные явления - их, между прочим, не всегда можно признать за таковые, поскольку они носят символический характер, - играют жизненно важную роль в том, что я назвал компенсаторной ролью снов.
Для сохранения постоянства разума и, если угодно, физиологического здоровья, бессознательное и сознание должны быть связаны самым тесным образом, двигаться параллельными путями. Если же они расщеплены или "диссоциированы", наступает психологическая нестабильность. В этом отношении символы сна - важные посланники от инстинктивной к рациональной составляющей человеческого разума, и их интерпретация обогащает нищету сознания, так как она учит его снова понимать забытый язык инстинктов.
Конечно, люди склонны сомневаться в подобной функции снов, поскольку символы зачастую проходят незамеченными или непонятыми. В обычной жизни понимание снов рассматривается как ненужное занятие. Это можно проиллюстрировать моими исследованиями первобытного племени в Восточной Африке. К моему удивлению, туземцы отрицали, что видят какие-либо сны. Но постепенно, в результате терпеливых ненастойчивых бесед с ними я убедился, что они так же, как и все, видят сны, но что они убеждены, что их сны никакого смысла не имеют. "Сны обычного человека ничего не значат", - говорили они. Они считали, что только сны вождей и знахарей могут что-то означать; от этих людей зависит благосостояние племени, соответственно и их сны получали определенный смысл. Правда, и здесь возникла трудность, - вождь и знахарь заявили, что в настоящее время у них осмысленных снов нет. Дату их утраты

они относили ко времени, когда англичане пришли в их страну. Теперь миссию "великих снов" взял на себя окружной комиссар, английский чиновник, ведающий их делами, - его "сны и направляют" поведение племени.
Когда туземцы все же признали, что видят сны, но считают их ничего не значащим, они напоминали вполне современного человека, который убежден, что сон - полная глупость, поскольку в нем он ничего не понял. Но даже и цивилизованный человек может заметить, что сон (который он может даже забыть) способен изменить его поведение в лучшую или худшую сторону. Сон в таком случае был "воспринят", но только лишь подсознательным образом. Так обычно и происходит. Только в очень редких случаях, когда сон особенно впечатляющ или повторяется через регулярные интервалы, большинство считает его разгадку необходимой.
Здесь следует сделать предупреждение относительно невежественного или некомпетентного анализа снов. Существуют люди, чье психическое состояние настолько нестабильно, что расшифровка их снов может оказаться крайне рискованной; в таких случаях слишком одностороннее сознание отрезано от соответствующего иррационального или "безумного" бессознательного, и этих обоих не должно сводить вместе без соответствующей подготовки.
В более широком смысле было бы большой глупостью допустить, что существует готовый систематический истолкователь снов, который достаточно лишь купить и найти в нем соответствующий символ. Ни один символ сна не может быть взят отдельно от человека, этот сон видевшего, как нет и единой однозначной интерпретации любого сна. Каждый человек настолько отличается в выборе путей, которыми его бессознательное дополняет или компенсирует сознание, что совершенно невозможно быть уверенным, что сны и их символика могут быть хоть как-то классифицированы.
Правда, есть сны и отдельные символы (я бы предпочел назвать их "мотивами"), достаточно типичные и часто встречающиеся.
Среди таких мотивов наиболее часты падения, полет, преследование хищными зверями или врагами, появление в публичных местах в голом или полуголом виде или в нелепой одежде, состояние спешки или потерянности в неорганизованной толпе, сражение в безоружном состоянии или с негодным оружием, изматывающее убегание в никуда. Типичным инфантильным мотивом является сон с вырастанием до неопределенно больших размеров или уменьшением до неопределенно малых, или переходом из одного в другое, - что мы часто встречаем, к примеру, у Льюиса Кэролла в "Алисе в стране чудес". Но следует подчеркнуть, что эти мотивы необходимо рассматривать в контексте всего сна, а не в качестве самообъясняющих шифров.
Повторяющийся сон - явление особое. Есть случаи, когда люди видят один и тот же сон с раннего детства до глубокой старости. Сон такого рода является попыткой компенсировать какой-либо отдельный дефект в отношении сновидца в жизни; или же он может совершаться вследствие травматического момента, который оставил по себе определенную предвзятость, предубеждение, нанес какой-то вред. Иногда такой сон может предупреждать о каком-то важном событии в будущем.
Несколько лет подряд я видел во сне мотив, в котором я "открывал" в своем доме жилые пространства, о существовании которых и не подозревал. Иногда это были комнаты, в которых жили мои давно умершие родители, в которых мой отец, к моему удивлению, оборудовал лаборатории и изучал там сравнительную анатомию рыб, а мать держала отель для посетителей-призраков. Как правило, это неведомое мне доселе гостевое крыло представляло древнюю историческую постройку, давно забытую, и, однако, унаследованную мною собственность. Внутри находилась интересная античная мебель, и ближе к концу этой серии снов я находил старую библиотеку с неизвестными книгами. В конце концов, в последнем сне, я раскрыл одну из книг и обнаружил там изобилие прекрасно выполненных символических рисунков. Я проснулся с бьющимся от возбуждения сердцем.
Несколько раньше, до того как я увидел этот заключительный сон из серии, я заказал букинисту одну из классических компиляций средневековых алхимиков. Просматривая литературу, я обнаружил цитату, имевшую, как я думал, связь с ранней византийской алхимией, и пожелал проверить ее. Спустя несколько недель после того, как я увидел во сне неизвестную книгу, пришел пакет от книготорговца. В нем находился пергаментный том, датированный XVI в. Он был иллюстрирован очаровательными символическими рисунками,

которые сразу же напомнили мне те рисунки, которые я видел во сне. В смысле переоткрытия принципов алхимии, входящих составной частью в переосмысливаемую мной психологию, мотив повторяющегося сна достаточно ясен. Сам дом являл символ моей личности и область ее сознательных интересов, а неизвестная пристройка представляла собой предвосхищение новой области интересов и поисков, о которых сознание в тот момент ничего не ведало. Больше этого сна - а прошло свыше 30 лет - я никогда не видел.

Я начал эту работу, отметив разницу между знаком и символом. Знак всегда меньше, нежели понятие, которое он представляет, в то время как символ всегда больше, чем его непосредственный очевидный смысл. Символы к тому же имеют естественное и спонтанное происхождение. Ни один гений не садился с пером или кистью в руке, приговаривая: "Вот сейчас я изобрету символ". Невозможно рационализировать мысль, достигая ее логически или намеренно, и лишь затем придавать ей "символическую" форму. Неважно, какую фантастическую оснастку можно нацепить на идею, она все равно останется знаком, связанным с сознательной мыслью, стоящей за ним, но не символом, намекающим на нечто еще неизвестное. В снах символы возникают спонтанно, поскольку сны получаются, а не изобретаются; следовательно, они являются главным источником нашего знания о символизме. Но следует отметить, что символы проявляются не только в снах. Они возникают в самых разнообразных психических проявлениях. Существуют символические мысли и чувства, символические поступки и ситуации. Порой кажется, что даже неодушевленные предметы сотрудничают с бессознательным по части образования символических образов. Таковы многочисленные, хорошо засвидетельствованные случаи остановки часов в момент смерти их владельцев. В качестве примера можно указать на случай маятниковых часов Фридриха Великого в Сан-Суси, которые остановились, когда император умер. Другие распространенные случаи - зеркала, дающие трещину, картины, падающие в момент смерти, или маленькие необъяснимые поломки в доме, в котором у кого-то наступил эмоциональный шок или кризис. Даже если скептики отказываются верить таким сообщениям, истории подобного рода все равно возникают и множатся, и уже одно это должно послужить доказательством их психологической значимости.

Существует много символов, являющихся по своей природе и происхождению не индивидуальными, а коллективными. Главным образом это религиозные образы. Верующий полагает, что они божественного происхождения, что они даны человеку в откровении. Атеист или скептик заявит, что они попросту изобретены, придуманы, но оба окажутся не правы. Верно то, как полагает скептик, что религиозные символы и понятия являлись предметами самой тщательной и вполне сознательной разработки в течение веков. Равно истинно - так считает верующий - что их происхождение столь глубоко погребено в тайнах прошлого, что кажется очевидным их внечеловеческое происхождение. Фактически же они суть "коллективные представления", идущие из первобытных снов и творческих фантазий. Как таковые эти образы представляют спонтанные проявления и уж никоим образом не преднамеренные изобретения.

Как я постараюсь показать ниже, это обстоятельство имеет прямое и важное отношение к толкованию снов. Если вы считаете сон символическим, то очевидно, вы будете интерпретировать его иначе, чем человек верящий, что энергия мысли или эмоции известна заранее и лишь "переодета" сном. В таком случае толкование сна почти не имеет смысла, поскольку вы обнаруживаете лишь то, что заранее было известно.

По этой причине я всегда повторял ученикам: "Выучите все, что можно, о символизме, но забудьте все, когда интерпретируете сон". Этот совет важен практически, и время от времени я напоминаю себе, что никогда не смогу достаточно хорошо понять чей-нибудь сон и истолковать его правильно. Я делаю это, чтобы проверить поток своих собственных ассоциаций и реакций, которые могут начать преобладать над неясной смутой и колебаниями пациента. Поскольку аналитику наиболее важно воспринять как можно более точно специфический смысл сна (т.е. вклад, который бессознательное привносит в сознание), ему необходимо исследовать сон весьма тщательно.

Когда я работал с Фрейдом, мне приснился сон, который может это проиллюстрировать. Снилось мне, что я "дома", на втором этаже в уютной гостиной, меблированной в стиле XVIII в. Я удивлен, потому что раньше никогда этой комнаты не видел, и мне интересно, на что

похож первый этаж. Я спускаюсь вниз и обнаруживаю, что там довольно-таки темно, а само помещение содержит стенные панели и мебель, датированную XVI в., а может быть, и более раннюю. Мои удивление и любопытство нарастают. Я хочу видеть, как устроен весь дом. Спускаюсь в подвал, нахожу дверь, за ней каменную лестницу, ведущую в большую подвальную комнату. Пол выстлан большими каменными плитами, стены выглядят совершенно древними. Я исследую известковый раствор и нахожу, что он смешан с битым кирпичом. Очевидно, что стены относятся к эпохе Римской империи. Мое возбуждение нарастает. В углу в каменной плите я вижу железное кольцо. Вытягиваю плиту вверх - передо мной еще один узкий марш лестницы, ведущей вниз, в какую-то пещеру, кажущуюся доисторической могилой. На дне ее лежат два черепа, несколько костей и немного битой керамики. Тут я просыпаюсь.

Если бы Фрейд при анализе этого сна следовал моему методу изучения его специфических ассоциаций и контекста, то услышал бы очень длинную историю. Но боюсь, что отверг бы ее как попытку уйти от проблемы, которая в действительности была его собственной. Фактически сон представлял резюме моей жизни и более специфично - моего ума. Я вырос в доме, возраст которого составлял 200 лет, мебель была трехсотлетней давности, и к тому моменту моим важным духовным достижением было изучение философии Канта и Шопенгауэра. Величайшей новостью являлись открытия Чарльза Дарвина. Незадолго до этого я все еще жил со средневековыми представлениями своих родителей, у которых мир и люди управлялись божественным всемогуществом и провидением.

Теперь же этот взгляд ушел в прошлое. Мое христианство сделалось весьма относительным после встречи с восточными религиями и греческой философией. По этой причине на первом этаже все выглядело таким темным, тихим и ненаселенным.

Тогдашние мои исторические интересы развились на основе первоначальных занятий сравнительной анатомией и палеонтологией во время работы ассистентом в Анатомическом институте. Меня увлекли находки ископаемых людей, в частности, много обсуждавшегося неандертальца, а также весьма сомнительного черепа питекантропа Дюбуа. Фактически это и были мои реальные ассоциации во сне, но я не осмелился упомянуть о черепах, скелетах и костях Фрейду, потому что знал, что эту тему лучше не затрагивать. У него жила подспудная идея, что я предчувствую его раннюю смерть. Он сделал этот вывод из того, что я высказал явный интерес к мумифицированным трупам, обнаруженным в так называемом местечке Блейкеллер, в Бремене, который мы вместе посетили в 1909 году, по пути на корабль, отправляющийся в Америку.

Поэтому я и не хотел возникать со своими собственными идеями. Слишком сильное впечатление произвел тот недавний опыт, показавший почти непреодолимую пропасть между нашими взглядами. Я не хотел терять его расположение и дружбу, открывая свой собственный мир, который, я полагал, был бы ему странен. Чувствуя себя весьма неуверенно, я почти автоматически солгал ему насчет моих "свободных ассоциаций", чтобы избежать невыполнимой задачи знакомства с моим очень личным и совершенно отличным внутренним устройством.

Следует извиниться за этот довольно длинный рассказ о щекотливом положении, в которое я попал, рассказав Фрейду свой сон. Но это хороший пример тех трудностей, с которыми сталкивается всякий, кто занимается реальным анализом снов. Многое зависит от разницы в типе личности аналитика и анализируемого.

Вскоре я понял, что Фрейд ищет во мне какое-нибудь несовместимое желание.

Для пробы я предположил, что черепа, которые я видел, могли относиться к некоторым членам моей семьи, чьей смерти по каким-то причинам я мог желать. Это было встречено с одобрением, но я не удовлетворился этим, по сути, ложным ходом. Когда же я попытался найти подходящие ответы на вопрос Фрейда, то был внезапно ошарашен мыслью о той роли, которую субъективный фактор играет в психологическом понимании. Мое прозрение было столь ошеломляющим, что я подумал лишь о том, как бы выбраться из этой трудной ситуации, и не нашел ничего лучше, как попросту солгать. Моральные соображения уступили перед угрозой крупной ссоры с Фрейдом, чего я совершенно не желал по множеству причин.

Суть прозрения же состояла из понимания, что мой сон вносит смысл в меня самого, в мою жизнь и в мой мир, вопреки теоретическим построениям иного внешнего разума,

сконструированного согласно собственным целям и задачам. Это был сон не Фрейда, а мой, и я, словно при вспышке света, понял его значение.
Приведенный пример иллюстрирует главное в анализе снов. Сам анализ не столько техника, которую можно выучить, а затем применять согласно правилам, сколько диалектический многосоставной обмен между двумя личностями. Если его проводить механически, то индивидуальная психическая личность теряется и терапевтическая проблема сводится к простому вопросу: чья воля будет доминировать - пациента или аналитика? По этой же причине я прекратил практику гипноза, поскольку не желал навязывать свою волю другим. Мне хотелось, чтобы исцеление исходило из личности самого пациента, а не путем моих внушений, которые могли иметь лишь преходящее значение. Я стремился защитить и сохранить достоинство и свободу своих пациентов, так, чтобы они могли жить в соответствии с собственными желаниями. В эпизоде с Фрейдом мне впервые стало ясно, что прежде чем строить общие теории о человеке и его душе, мы должны больше узнать о реальном человеческом устройстве, с которым имеем дело.
Индивид - это единственная реальность. Чем дальше мы уходим от него к абстрактным идеям относительно Хомо Сапиенса, тем чаще впадаем в ошибку. В наше время социальных переворотов и быстрых общественных изменений об отдельном человеке необходимо знать много больше, чем знаем мы, так как очень многое зависит от его умственных и моральных качеств. Но если мы хотим видеть явления в правильной перспективе, нам необходимо понять прошлое человека так же, как и его настоящее. По этой причине понимание мифов и символов имеет существенное значение.

Карл-Густав Юнг. Архетип и символ. М., 1991.